

КРИТИК — лекарь, несмотря ни на какие высокие звания. Он — табиб, когда остается один на один с «больной» книгой. Понимая печаль художника, ему становится больно вдвойне за то, что боль эта не сумела стать всеобщей болью, за то, что радость не стала радостью других. Сказав свое слово, критик думает о судьбе книги, отправившейся в литературу, в высокое и доброе искусство. И тогда приходят «Мысли о родной литературе», прошедшей свой путь «От домбры до книги», «От эпоса до эпопеи», освещенные теплым солнечным потоком «Света русской культуры». Но критик понимает, что «Вершины еще впереди», что перед казахской литературой

всегда будут открываться светлые «Новые горизонты». Все перечисленное — программные названия книг критика, академика Мухамеджана Кожасбаевича Каратаева. Вершины всегда впереди. И это хорошо...

...Академик поднял голову и, посмотрев на «часы», подумал: «Неужели уже семьдесят? Так мало?». Да, чтобы переделывать все дела, мало и века Джамбула. А дела-то принадлежат народу, литературе. Семьдесят лет — это еще такой возраст, когда можно шутить над временем.

В глазах Мухамеджана-ага зажглись крохотные солнца, такие веселые, что в кабинете стало светлей и теплей, будто поздравить его с юбилеем явились сегодня все Мухамеджаны, носящие ту же фамилию —

Каратаев. Только один из них — совсем еще мальчик, с не просохшим от слез лицом. Он зажал под локтем потрепанный букварь и требует какого-то отчета у академика. Ага знает, что такое право у этого Мухамеджана есть. Если бы не страсть этого мальчишки к учебе, то не было бы и академика. Этот малыш тащился шесть дней и ночей по пустой и жар-

учиться», — сказал мальчик, протягивая отцу букварь. Отец бережно, как дружбу, принял книгу в ладони, потом круто повернулся и зашагал прочь. Он вернулся с базара, зажав деньги в руке, на которые купил два билета до Кызыл-Орды. Там должна была быть школа...

Второй матерью называет всю жизнь академик свою первую учительни-

ших почему-то стать медиками. Он принимал экзамены в медицинском техникуме. Профессор спросил:

— Сколько тебе лет?

— Шест на дцать, — солгал и густо залился краской Мухамеджан. Ложь была очевидной, но что делать, если двух лет не хватало?

— Ленина знаешь? — мягко спросил Баталов.

— Знаю. Это наш

в Ленинград из Алматы, об академике А. С. Орлове, члене Академии наук СССР Н. К. Пиксанове, о профессорах В. А. Десницком, который знал Ленина и подружился с Горьким на Капри, о И. Долинине, С. Малахове, о том, что замдекана А. Г. Дементьев предоставил ему неограниченную возможность посещать любую лекцию на любом курсе

Академику Мухамеджану

Каратаеву — 70 лет

ВЕРШИНЫ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ

кой степи, по бездорожью, по бездорожью на маленькую станцию Соло-Тюбе, потому что ссыльный революционер Иван Деев сказал ему, что он сможет учиться. Но на станции интерната не оказалось.

Девяносто дней и ночей встречал и провожал поезда мальчик, и сердце его дрожало от слез. Почему не его увозят они в большой мир, где можно узнать многое? О какой мечте он доверчиво рассказывал пассажирам, и кто-то добрый посочувствовал его горю и подарил потрепанный букварь. Так и выходил он к поездам со своей драгоценной книгой, пока не приехал за ним из аула отец. Мальчик не захотел возвращаться, несмотря на то, что змевей извивалась в руке отца камча, готовая ужалить плечи. «Я хочу

цу Евгению Трофимовну Высоцкую. Эта мать гладила его жесткие вихри, вздыхала и уводила с собой в мир сказок Пушкина.

Мальчик отошел в сторону, а его место занял студент Казахского педагогического института, будущий филолог Мухамеджан Каратаев. Он до этого смотрел на бюст Мухтара-ага. О чем он думал, о чем вспоминал, глядя на бюст Мухтара-ага? Может, лекции академика Е. Тарле? Может, беседы с профессорами Н. Фатовым и М. Баталовым? Встречи с такими преподавателями, как Сакен Сейфуллин и Мухтар Ауэзов? Кажется, он вспомнил два разных по времени разговора с Баталовым. Первый состоялся еще с тем Мухамеджаном, малышом. Баталов выделил его среди абитуриентов, решив-

вождь. Отец, — прямо посмотрел на учителя мальчик.

Медиком он не стал. Профессор Михаил Павлович Баталов настоятельно посоветовал продолжить учебу в аспирантуре Ленинградского института истории, филологии и литературы. В напутствие он сказал: «Тебе необходимо более глубокое изучение трудов по марксистско-ленинской философии и русской литературе. Без этого можно стать только сереньким преподавателем литературы, но не учителем писателей, каким должен быть литературный критик».

Потеснив плечом студента, прошел вперед аспирант, потирая руки, прихваченные питерским морозом. Он сразу заговорил о своих наставниках. Об академике Е. Тарле, который вернулся

и семинаре института. Аспирант спешил на лекции и попросил разрешения уйти. Он уже поздравил юбиляра и поэтому кандидат наук, доктор и член-корреспондент Каратаевы позволили ему удалиться. Ученым нужно было поговорить самим.

— Во мне всегда жила мечта стать профессиональным критиком, — сказал кандидат наук. — Поэтому я заострял свое внимание на трудах Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева... Особенно любовно я штудировал труды Белинского. Но Пушкин всю жизнь был со мной. Моя вторая мама дала мне счастье общения с гением. Недаром я избрал темой своей диссертации «Пушкин и казахская литература».

— Да, мне тоже больно, что диссертация была

написана, но не защищена. Но разве ты виноват в этом? — стал грустным доктор Каратаев. — Странно, я по болезни не стал медиком, но думаю, что кем бы ни стал, я бы вернулся в литературу. Пушкин меня не отпускал.

— Ты вернулся, Мухамеджан, и проложил свою тропу в критике. Нашел себя, а это немало, профессор. Мне говорили о твоей тропе, ставшей дорогой для многих. Нет-нет, ты в литературе совсем не посторонний человек, — опустил ему на плечо руку член-корреспондент. А академик смотрел на них с улыбкой и молчал.

Да, везло Мухамеджану Кожасбаевичу на встречи с замечательными людьми. Но счастливым он был потому, что его любил Джамбул. Вот на стене давний портрет,

где сняты акын, Габит Мусрепов и он. Но тогда еще ни Габит Махмудович, ни он не были академиками. Зато как молоды они были! С тех пор много воды утекло, были удачи и поражения, были заслуженные награды и высокие победы. И все они связаны с Книгой. Книга — это праздник света и разума, сердца и души, добра, чести и благородства. Это — щедрый дастархан, за которым собираются друзья. Критик же — хозяин на этом пиру, как и его товарищи поэты и писатели и все собравшиеся. От критика зависит во многом, состоится ли праздник.

Б. МОМЫШ-УЛЫ.

НА СНИМКЕ: М. Каратаев.

Фото Р. Дюсенгалиева.